

КУЛЬТ-УРА!

Москва, 22 апр. — С. 10.

ПАВИЧ СЧИТАЕТ, ЧТО МУЖСКОМУ РОМАНУ ПРИШЕЛ КОНЕЦ

Вчера во МХАТе им. Чехова впервые показали "Вечность и еще один день". Специально, чтобы взглянуть на творение рук своих, из Югославии прилетел автор пьесы, всемирно известный писатель **Милорад Павич**. В Москве он пробудет всего несколько дней и, разумеется, раздаст немало автографов. В прошлый его приезд, осенью 2001 года, на Международной книжной ярмарке его так активно осаждали поклонники, что жена писателя **Ясмине Михайлович** воскликнула: "Милорад, да ты, похоже, можешь соревноваться в России по популярности с какой-нибудь голливудской звездой!".

Действительно, может. Когда читаешь книги Павича, создается ощущение, что он колдует. Вас затягивает водоворот его неудержимой фантазии. К тому же он не хочет выпускать вас из своего мира — он делает свои книги интерактивными (это одно из любимых его слов). Так что вы перескакиваете из середины тома в конец, а потом — в начало... И так до бесконечности живете в ирреальности, созданной писателем. И, что удивительно, находите каждый день что-то новое.

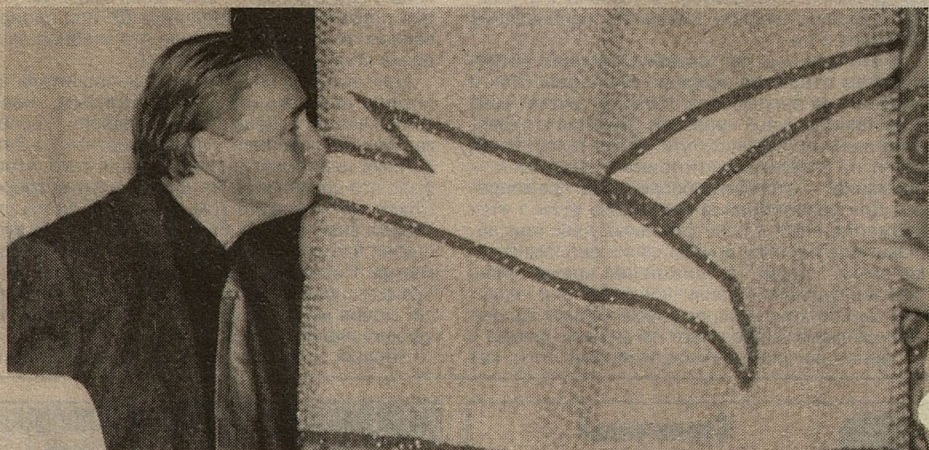
Итак, вчера корреспонденту "МК" удалось задать живому классика несколько вопросов.

и Маргариту", не надеясь, что она будет напечатана.

— У Булгакова эта трагедия случилась в конце пути, а у меня она была в самом начале — в этом разница. К концу тридцатых годов Булгаков уже получил некое признание публики. Другое дело, что потом от него многие отвернулись. Я же, когда начал писать, вообще не был уверен, что это кому бы то ни было нужно, кроме меня самого.

— Многие критики и в России, и в мире говорят, что XX век был столетием модернистским. Великие писатели творили миры, были демиургами. Но сейчас все немного подустало от этого буйства фантазии, и XXI век станет эпохой нового реализма. Что вы об этом думаете?

— Мне не кажется, что в наступившем столетии реализм отвоюет прежние позиции. Я не устаю повторять, что это будет век женского романа, и именно женщины напишут самые выдающиеся произведения. Для нас, мужчин, их женская логика, несомненно, станет новым реализмом. Точнее, новой реальностью. Вот, кстати, представьте той силы, что изменит все наши представления о литературе, — Павич поворачивается к своей супруге Ясмине Михайлович. — Одна из женщин, ко-

— Вы очень активно используете мифы народов мира. Вам не приходило в голову написать книгу на основе китайских или, например, индейских легенд?

— Я, кажется, уже написал книгу на основе мифов одной довольно необычной нации — хазар... Мои тексты действительно внешне очень похожи на преданья старины глубокой. Но на самом деле все это плод моего личного воображения. Даже если я использую какие-то легенды, они в моем исполнении сильно преобразуются, иногда до неузнаваемости. Например, ни один из еврейских мифов, использованных в "Хазарском словаре", не является дословным пересказом источника. Мне кажется, было бы глупо переписывать в своем романе старую историю, которую можно прочесть в других книгах. Писатель по природе своей творец, и он должен творить. Это его отличительный признак. Для того чтобы творить, нужно быть большим фантазером. Я фантазирую как ребенок. Да моя жена так говорит, что я все еще ребенок в душе.

— А вы помните свое детство?

— Отлично помню! Я с родителями жил в Белграде, и время от времени меня отправляли в Панчево — это небольшой городок по другую сторону Дуная. Там жили мои родственники — дядя с женой, тетька. Никогда не забуду, как меня там кормили! И какие истории рассказывали! Мой дед участвовал в Первой мировой войне на стороне Австро-Венгерской империи. Панчево тогда находилось под австрийской оккупацией, и ему не очень хотелось возвращаться домой. Поэтому после одного из боев, буквально по австрийским трупам, он сбежал в Россию. Назад дед вернулся только после революции 1917 года. У нас есть семейный анекдот про деда. Проведя зимнюю ночь в окопе, он отморозил себе ноги. Причем отморозил очень сильно: если бы он снял сапог так, как это обычно делается, то оторвал бы себе пальцы. Поэтому сапог пришлось разрезать. Врач взглянул на ногу моего деда и сказал, что палец нужно отрезать, иначе потом придется ампутировать всю ногу. Мой дед был простой солдат и не знал, что делать, поэтому обратился за советом к товарищу. Тот сказал: "Что ты! Ни в коем случае! Тогда у тебя начнут рождаться дети с четырьмя пальцами на ногах". И дед отказался от операции. К счастью, все обошлось. Вот такими историями было наполнено мое детство. А потом началась война. Я помню ее, она живет во мне. Я дважды едва избежал смерти при бомбардировках — такое вряд ли забудешь.

— Когда вы начинали писать, вы и не надеялись, что ваш роман будет издан. Много лет спустя к вам пришла слава. Теперь, когда вы пишете книги, вы можете быть уверены, что она будет прочитана. Отличаются ощущения: когда пишешь для себя и когда для читателя?

— Можно год или два писать, что называется, в стол. Но больше — нельзя. Если вы пишете, вам нужен ответ. По крайней мере мне необходим ответ читателя. Даже если этот ответ мнимый, иллюзорный. В свое время я просто перестал творить из-за этого. Десять лет я не брался за перо.

— Но Булгаков много лет писал "Мастера

и Маргариту". Ветер дует с этой стороны.

— Недавно здесь была опубликована книга сербского автора Горана Петровича...

Павич, услышав знакомое имя, распыляется в улыбке, будто ему сказали что-то приятное о его сыне.

— Я уже вижу по вашему лицу, что этот писатель вам очень нравится.

— Конечно! Он мой друг. Мы познакомились, когда он делал свои первые шаги в литературе. Я сразу его понял. И мне уже тогда стало понятно, что из него выйдет хороший писатель.

— Но многие считают, что он ваш эпигон — не больше.

— Нет, он делает нечто совсем иное. Например, его новый роман "Антиквариат у счастливой руки". Как и у меня, это нелинейная литература, но Петрович не повторяет мой путь — он делает что-то свое. И это у него неплохо получается. Я всегда создавал интерактивную прозу. Недавно в Белграде вышел CD-ROM с "Хазарским словарем". Там можно легко и быстро делать переходы от одной статьи к другой — и это замечательно. Возвращаясь к Петровичу: он создал роман, в котором два читателя получают два разных текста. Эта книга уникальна.

— Как продвигаются съемки фильма по "Хазарскому словарю"?

— Режиссер из Словении Томаш Пандур вскоре поставит спектакль по "Словарю". В июне состоится его премьера в Белграде. Затем Пандур планирует показать этот спектакль в Европе и США. И в конце концов из этого спектакля должен получиться фильм. Это будет интерактивное кино: там будет две версии: мужская и женская. Съемки будут вестись двумя камерами, и, соответственно, визуальный ряд в первом и во втором варианте будет сильно отличаться. Театр и кино должны становиться интерактивными. Эта премьера во МХАТе — это один из первых шагов, который цивилизация сделает в этом направлении.

— Почему вы не захотели смотреть репетицию "Вечности и еще одного дня"?

— Как раз по этой причине. Сейчас актеры репетируют обе версии, мужскую и женскую. А я бы хотел увидеть, как зрители голосуют за одну из них. И как спектакль оживает от этого.

— Как-то вы сказали, что хорошую книгу не может испортить плохой перевод. Следуя вашей логике, хорошую пьесу не может испортить плохая трактовка плохого режиссера.

— Я вам отвечу так: плохую пьесу не спасет даже хорошая трактовка хорошего режиссера.

— Вы мастерски манипулируете сознанием читателя. Раскройте какие-нибудь свои секреты.

— Можно писать книги "от головы", логичные тексты. А можно черпать вдохновение из других источников. Я думаю, что нужно использовать и ум читателя, и его эмоции, и его интуицию, и его воображение. Я очень люблю Борхеса, потому что он был лучший в мире читатель. И с его помощью я понял, как важно быть хорошим читателем. А для писателя вдвойне важно быть хорошим читателем.

Игорь ПЕРЕВЕРЗЕВ.